

5. Belyy, A. Na rubezhe dvukh stoletiy [At the turn of the centuries], in *Vospominani'a v 3 kn., kn. 1* [Memoirs in 3 book, book 1], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989, 543 p.
6. Sugay L. «... I bleshchushchie chertit arabeski» [«And the sparkling traces arabesques»], in Belyy, Andrey. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as Understanding the World], Moscow, 1994, pp. 3–17.
7. Dolgoplov, L.K. Simvolizm [Symbolism] in *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Short Literary Encyclopedia], Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1971, vol. 6, pp. 831–840.
8. Blok, A.A. Predislovie k sborniku «Liricheskie dramy» [Preface to the Collected Works named “Lyrical Dramas”], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 6 t., t. 3* [Collected works in 6 vol., vol. 3], Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1981, pp. 383–384.
9. Ivanov, V.I. Zavety simvolizma [Symbolism precepts], in Ivanov, V.I. *Borozdy i mezhi. Opyty esteticheskie i kriticheskie* [Furrows and Boundaries. Aesthetic and critical experiments], Moscow, 1916, pp. 119–444.
10. Bryusov, V.Ya. Klyuchi tayn [Keys of Mysteries], in Bryusov, V.Ya. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987, pp. 72–87.
11. Borev, U.B. Simvolizm [Symbolism], in *Estetika. Teoriya literatury. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Aesthetics. Theory of Literature. Encyclopedic dictionary], Moscow: Izdatel'stvo Astrel', 2003, pp. 401–407.
12. Prishvin, M.M. *Dnevnik* [Blogs], Moscow: Pravda, 1990, 480 p.

УДК 11(47+57)
ББК 872:878(2)

В.С. СОЛОВЬЁВ И АКМЕИЗМ: МЕТАФИЗИКА И ПОЭЗИЯ КРАСОТЫ

Н.В. СЕРОВА

Морская государственная академия имени адмирала Ф.Ф.Ушакова,
проспект Ленина, 93, г. Новороссийск, 353918, Российская Федерация
E-mail: nserova1@rambler.ru

Рассматриваются эстетические воззрения В.С. Соловьёва и акмеистов на образ воплощенной в мире красоты. Обосновываются выдвинутые В.С. Соловьёвым положения о проявлениях красоты в мире как признаках его духовного преображения. Дается обзор художественного выражения идеи красоты в поэзии акмеистов, которые видели в ее воплощении условие преодоления личностных, общественных и идеологических антагонизмов. Исследование основывается на изучении публицистических, литературных и философских материалов с использованием методов ретроспективного анализа причин мирового разлада, одинаково глубоко переживающегося сегодня и в начале XX века; герменевтического метода для выявления смысла проявления красоты в мире; метода аналогии предметов для оценки роли поэта и значения поэзии в процессе преодоления безобразности мира и восстановления его духовного образа; метода аналогии отношений для проведения сравнения отношения материального и идеального бытия в работах В.С. Соловьёва и в поэзии акмеистов. Выявлен ряд идей, объединяющих творчество В.С. Соловьёва и поэзию акмеистов, таких как идея духовного восстановления мира в красоте; идея «положительного всеединства»; признание роли личности в преобразовании мира; идея реализации духовности в мире через поэтическое творчество. Сделан вывод о том, что акмеисты стали не только восприимчивыми ключевых для метафизики В.С. Соловьёва идей, но и последователями и разработчиками его эстетики. Таким образом, метафизика красоты В.С. Соловьёва продолжает свое развитие в поэзии красоты акмеизма.

Ключевые слова: положительное всеединство, мировой разлад, антагонизмы, красота, творчество, духовность, личность, акмеизм, поэзия, безобразность, духовный образ мира.

V.S.SOLOV'EV AND ACMEISM: METAPHYSICS AND POETRY OF BEAUTY

N.V. SEROVA

State Naval University named after Admiral F. F. Ushakov,
93, Lenin av., Novorossiysk, 353918, Russian Federation
E-mail: nserova1@rambler.ru

The article is devoted to the aesthetic views of V.S. Soloviev and acmeists on the image of beauty in the world. The author summarizes the V.S. Solov'ev's provisions about the manifestations of beauty in the world as a sign of its spiritual transformation. It provides an overview of the artistic expression of the idea of beauty in poetry acmeists, who saw in its incarnation of the condition to overcome personal, social and ideological antagonisms. The study is based on a research of journalistic, literary and philosophical material. In order to conduct the study used a retrospective analysis of the causes of world disorder, equally deeply felt today and in the early twentieth century, hermeneutic method to detect meaning manifestations of beauty in the world, the similar subjects method to assess the role of the poet and the value of poetry in the process of overcoming the ugliness of the world and the restoration of his spiritual image, the method of analogy relations to compare the relationship of material and ideal existence in works of V.S. Solov'ev and poetry of acmeists. A number of ideas that combine art of V.S. Solov'ev and poetry of acmeists. These include the idea of spiritual restoration of peace in the beauty, the idea of «positive unity», the recognition of the individual's role in transforming the world, the idea of implementation of spirituality in the world through poetry. The conclusion from the study was the assertion that acmeists are not only recipients of the key ideas of metaphysics of V.S. Solov'ev, but also the followers of his aesthetics. Therefore, the metaphysics of beauty of V.S. Solov'ev continues its development in the poetry of beauty of acmeism.

Key words: positive unity, world discord, antagonisms, beauty, creative works, spirit, personality, acmeism, poetry, shapeless, spiritual form of the world.

Мировые антагонизмы как следствие безобразности мира

В современном мире так же, как и на рубеже XIX–XX веков, опасность возрастания социальных, идеологических, религиозных и политических антагонизмов; неизбежность гуманитарных, экологических и техногенных катастроф; отсутствие солидарности и диалога; присутствие формализма и утилитаризма в человеческих коммуникациях обретают всё больший размах. Мировыми антагонизмами поражено общественное и индивидуальное бытие. В произведениях В.С. Соловьёва и в поэзии представителей акмеизма Н.С. Гумилёва, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, С.М. Городецкого, М.А. Зенкевича и В.И. Нарбута мировые антагонизмы представляются как факт, но не как норма человеческой жизни. Поэтому в своем творчестве они выявляют причины и раскрывают природу существующих в мире противоречий; стремятся передать состояние человеческой души, захваченной круговоротом экзистенциальных и социальных диссонансов; показывают пути преодоления мирового разлада и вселяют надежду в чудесное преображение мира в красоте. В творчестве В.С. Соловьёва и акмеистов исследователь О. Ронен выделяет общую идею об искусстве как сфере воплощения красоты в действительности. Их объеди-

няли неприятие мирового разлада, выражавшегося в противопоставлении природы и культуры, идея мирового всеединства и вера в духовное восстановление мира, понятие о красоте как воплощении духовности в мире, взгляд на роль творческой личности в соучастии ее в божественном замысле о мире.

В.С. Соловьёв рассматривает мировой разлад не в качестве естественного состояния мира, но как нарушение создаваемой в мире гармонии, которая заключается в восстановлении мира из первоначального хаоса и в обретении им своего духовного образа. Мировой разлад представляется им через три сферы бытия: в нравственной сфере – в явлениях зла, в сфере познания – в выражении лжи, в эстетической сфере – в форме безобразия. Все эти явления – зло, ложь и безобразие – есть не что иное, как признаки разрушения идеальной формы или идеи, посредством которой только и возможно воплощение духовного начала мира «абсолютно-сущего» [1, с. 232]. Следствием этого является потеря духовного смысла и цели развития мира, что проявляется в природных, общественных и личностных антагонизмах. Суть их в нарушении гармонии всех составляющих мир форм существования: «Всякое зло может быть сведено к нарушению взаимной солидарности и равновесия частей и целого; к тому же сводится всякая ложь и безобразие» [2, с. 395]. Возвышение одной из частей мирового целого происходит за счет подавления и подчинения всех остальных частей. Развитие мира происходит односторонне, и это ведет к разрушению мировой целостности и регрессивному нисхождению к более примитивным уровням и формам жизни: «Все то безобразно, в чем одна часть безмерно разрастается и преобладает над другими, в чем нет единства и целостности и, наконец, в чем нет свободного разнообразия» [2, с. 395]. В состоянии разлада мир существует в переходах из одной крайности – «анархической множественности» [2, с. 395] к другой крайности – «мертвенно подавляющему единству» [2, с. 395]. Переходы из одной крайности в другую являются следствием ущербности несовершенного мира, который существует в противовес долженствующему духовному идеалу. Поэтому в нем царят зло как недостаток добра, ложь как искажение истины, безобразие как разрушение красоты. Эти мировые процессы являются следствием потери образа, или безобразности, мира. Они непосредственно сказываются на духовном самочувствии человека.

В современном мире разрушающее действие антагонистических процессов выражается в необратимости моральной деградации человека, в разобщенности людей и ощущении чуждости миру. В этой ситуации следует побудить людей к переживанию трагизма мирового разлада, чтобы помочь им восстановить гармонию души и согласие с миром. В.С. Соловьёв высказывался против разобщения, несовершенства и порабощения, которые должны быть преодолены через идею о «пресуществлении» [3, с. 223] как духовном преобразовании мира в красоте. В стихах А. Ахматовой, О. Мандельштама и Н. Гумилёва также звучат слова о трагическом положении человека в бездушном и безобразном мире. Но если об этом не говорить, то окажется, что разобщенность людей и потерянности человека в чуждом для него мире является нормой. Поэтому, на наш взгляд, идею о «пресуществлении» акмеисты начали реализовывать с выражения несогласия с противоречиями реального и ирреального, материального и духовного, личного и общественного. Выражение протеста против мирового разлада как причины человеческих трагедий звучит в стихотворении А.А. Ахматовой «Разрыв»:

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем, и за тебя
я пью, –
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

А.А. Ахматова перенесла не одну жизненную трагедию, и кому как не ей знакомо переживание гнетущего чувства одиночества, предательства, несправедливости, жестокости и отчаяния. Эти чувства порождены непреодолимым разладом между погруженным в антагонизмы миром и не находящим в нем ответа на чаяния души человеком. Утрачена надежда на помощь свыше, потеряны душевные привязанности к близким людям и ощущение единства с природой как «оставленной землей» [4, с. 89]. Противоречиями охвачены все формы жизни, все человеческие чувства и мысли как выражение «всей земной непоправимой боли» [4, с. 70]. Потерянность человека в мире переживается не в качестве индивидуальной трагедии, но как трагедия вселенская. Всем своим творчеством А.А. Ахматова хотела показать пример духовного преодоления равнодушия мира к человеку. Этот мир, во многом являющийся порождением нашей деятельности, – единственный, где могли бы жить и творить люди. Поэтому мы не можем его оставить, но можем любовью, творчеством, солидарностью предотвратить неизбежную трагедию. О.Э. Мандельштам в стихотворении «Только детские книги читать...» несоответствие между красотой человеческой души и безобразностью мира выражает в «усталости», которая преодолевается любовью, состраданием и верой в преображающее действие красоты в мире:

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от неё не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Человек не может отыскать иного и более благополучного мира, но, любя этот мир, он надеется на помощь свыше. Потому что любовь – сила, способная духовно преобразить мир в красоту. В стихотворении Н.С. Гумилёва «Я не прожил...» выражено чувство сострадания к человеку, возлюбившему «весь дремучий сон бытия» [5, с. 101], но не смогшему жить без опоры на источник той красоты, которую увидел поэт в мире, – Бога. Надежда на помощь Бога выражается в чаянии преодоления противоречия между духовным и мирским бытием:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Переживание покинутости человека в условиях мирового разлада, ощущение трагизма человеческого существования в естественном мире природы, «который дух не признает» [6, с. 105], понимание бессмысленности и тщетности всех человеческих усилий перед «дремлющим сном бытия» [5, с. 101] сменяются надеждой на возможность «установления равновесия между мистическим и земным началами, к которому акмеисты стремились в своих стихах» [7, с. 42]. Гармония между реальным и духовным мирами достигается, по их убеждению, не в идеализации материи и не в материализации идеи, но в действительном осуществлении красоты в мире посредством поэтического слова. «Оставалось точно рассчитать соотношение «земного» и «небесного» в стихотворениях, уравновесить мистическое – бытовым. Поэтому пути пытались двигаться акмеисты» [7, с. 43]. В.С. Соловьёв писал, что «в человеческой жизни художественная красота есть только символ лучшей надежды, минутная радуга на темном фоне нашего хаотического существования» [8, с. 352]. Необходимо, чтобы красота действительно воплотилась в мире и воплотилась через искусство, так как «совершенное воплощение этой духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма есть высшая задача искусства» [8, с. 398]. Для творчества В.С. Соловьёва, А. Ахматовой, Н. Гумилёва и О. Мандельштама характерны общие оценки мирового разлада и хаоса, положения человека в мире и признание необходимости преодоления противоречия между духовным и материальным мирами посредством искусства. Общим для В.С. Соловьёва и акмеистов является убеждение в том, что действительный мир несовершенен, потому что в нем нет единства духовного и материального бытия. Поэтому, по общему признанию В.С. Соловьёва и акмеистов, необходимо духовное восстановление мира посредством искусства. Поэзия – одна из форм искусства, которая «находит свое выражение только в духовном элементе человеческого слова» [8, с. 374]. В ней, как полагал В.С. Соловьёв, яснее всего выражается смысл духовного замысла Бога о судьбе мира и человека. Мысль В.С. Соловьёва о том, что «лирическая поэзия после музыки представляет самое прямое откровение человеческой души» [9, с. 208] и что духовное преображение мира осуществимо через поэзию, разделяли и подтверждали своим творчеством акмеисты.

Обретение миром духовного образа через воплощенную в нем красоту

Мировые катастрофы являются свидетельством обезображивания мира, утратившего духовный смысл. В естественном состоянии мира безобразие как отсутствие, недостаток и лишение идеальной формы – духовного образа мира – есть неизбежность. Постепенное обретение природными явлениями идеального образа и порождение природой совершенной формы жизни – человека, тем не менее, не препятствуют проявлению в мире безобразия, потому что «там, где свет и жизнь уже овладели материей, где всемирный смысл уже стал раскрывать свою внутреннюю полноту, там несдержанное проявление хаотического начала, снова разбивающего и подавляющего идеальную форму, естественно должно производить резкое впечатление безобразия» [8, с. 360]. Процессы вос-

становления и вновь разрушения мировой гармонии и мирового всеединства совершаются с периодичностью и постоянством, потому что «природа неравнодушна к красоте, она допускает безобразные формы в качестве переходных стадий, но для увековечивания своих произведений старается сообщить им возможную в каждом роде красоту» [8, с. 361]. Развитие мира не однонаправленно и не движется в сторону все более возрастающего прогресса, выражающегося в преобладании духовного смысла над хаосом материального бытия. Оно циклично, и каждый новый цикл развития показывает неотвратимость перехода от несовершенства действительного положения мира к его должному состоянию, от преобладания материальной жизни к духовному всеединству всех форм жизни.

Прогрессивное развитие мира В.С. Соловьёв связывал с воплощением в нём красоты, ибо «красота и воплощенная идея есть лучшая половина нашего реального мира, именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования» [1, с. 152]. В действительности свобода, солидарность, совершенство являются признаками постепенного воплощения духовного образа мира. Материальный мир и все его «частные или ограниченные существования, сами по себе не имеющие достойного и идеального бытия, становятся ему причастны через свое отношение к абсолютному во всемирном процессе, который и есть постепенное воплощение его идеи» [1, с. 152]. Поэтому необходимо претворение материального мира в духовное бытие посредством действия в нем добра, истины и красоты. Красота – идея, выражающая совершенство, завершенность и полноту воплощения духовности в материальном бытии. Для того чтобы это стало возможным, то есть «прежде, чем творить в красоте, или предварять неидеальную действительность в идеальную, нужно знать различие между ними...» [2, с. 395]. Определяя эти различия, В.С. Соловьёв исходит из всеединного смысла красоты как воплощенной в мире идеи. Признаками ее воплощения становятся гармония и согласие, единство и разнообразие. Они проявляются в изменении отношений между отдельными формами жизни и мировым целым:

1. В действительности «частный или единичный элемент утверждает себя в своей особенности, стремясь исключить или подавить чужое бытие» [2, с. 395]. Идеальное бытие характеризуется тем, что в нем «частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают друг друга, солидарны между собой» [2, с. 394]. Преобразование материального мира в идеальной форме необходимо в целях его всестороннего и всеобщего развития, которое не совершается в условиях возвышения одних его составляющих элементов и уничтожения других. В природе неравенство сторон преодолевается через одухотворение мира и возведение их над естественным состоянием борьбы всех против всех.

2. В идеальном бытии элементы «не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе» [2, с. 394]. В ином состоянии пребывает реальный мир, где «частные или единичные элементы порознь или вместе хотят стать на место целого, исключают и отрицают его самостоятельное единство, а через то и общую связь между собою» [2, с. 395]. Отсутствие солидарности является причиной противоречий, столкновений и препятствием для развития всех сторон. Одухотворение действительности способствовало бы нахождению между сторонами общих целей развития.

3. В действительности наблюдается тотальное и безусловное подчинение части целому и «во имя единства теснится и упраздняется свобода частного бытия» [2, с. 395]. Идеальное бытие представляется как «всеединая основа или абсолютное начало», которое «не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе, тогда такое бытие есть идеальное, или достойное» [2, с. 394]. Реальный мир в целом образуется множеством форм жизни, и от их состояния и развития напрямую зависит и его процветание. Поэтому они требуют духовного восстановления и совместного гармоничного развития.

В этих отношениях мира и его форм жизни прослеживается общая проблема дисгармонии как их несоразмерного положения и несправедливого разделения, доводящего до крайностей и регрессивного развития. Таковым является положение мира в его естественном состоянии, поэтому в целях предотвращения его гибели необходимо преобразование всех форм жизни. Но в самом мире не существует чего-либо отличного от всевозможных проявлений жизни, поэтому источником их совершенствования должно стать абсолютное, духовное начало. Одухотворение мира означает приведение всех форм жизни к «мировому всеединству» [8, с. 365] как преображенной действительности. Символом духовного преобразования природы для В.С. Соловьёва стало звездное небо: в красоте звездного неба «полнее и совершеннее...осуществляется идея положительного всеединства» [8, с. 365]. Смысл «положительного всеединства» состоит в гармоничном, всеобщем существовании и развитии мира: «Я называю истинным, или положительным всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» [10, с. 552]. Процесс духовного преобразования должен захватить все формы всеединой жизни – природной, человеческой и общественной. Идея В.С. Соловьёва о духовном преображении мира была реализована в поэзии акмеистов в идее преодоления разрыва между материальным и духовным мирами. Суть этого преодоления для акмеистов заключалась в единстве судьбы слова и мира.

В начале XX века в литературной среде сформировалось новое направление – акмеизм. «Название акмеизма шло от греческого акме – острие, высшая точка, что указывало на стремление акмеизма к особо точному образу» [11, с. 10]. Точность образа для акмеистов означала всесторонность выражения внешней формы и внутреннего содержания явления в поэзии. К такой точности они приходят через преодоление односторонности идеологических установок своего времени, выражавшихся в художественных образах поэзии символизма, реализма, футуризма. Духовные поиски акмеистов сродни философским исканиям В.С. Соловьёва, которые он изложил в оценке идейных основ эмпиризма, рационализма и мистицизма в «Философских началах цельного знания». Односторонности главных направлений философии он противопоставил систему «цельного знания» [1, с. 194]. Таким образом, мотивом, объединяющим философию В.С. Соловьёва и поэзию акмеистов, является выраженное стремление к пониманию единства каждого явления и мира в целом. В мире не должно быть разделения на материальное и духовное, индивидуальное и всеобщее, но должно быть единство их проявления в каждом индивидуальном событии. «Любите

существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма» [12, с. 7]. Эта любовь к существованию вещей рождается из ощущения реальности воплощаемой в них красоты. Она более не абстракция, но осязаемое явление мира.

Известно, что предыстория акмеизма начинается в идейном поле символизма. Виднейшие его представители – В.Я. Брюсов, И.Ф. Анненский, В.И. Иванов – одобрили и вдохновили творчество будущего родоначальника акмеизма Н.С. Гумилёва. Более того, по словам А. Белого, тактика организации деятельности «Цеха поэтов», начавшего работу в 1911 году, основана на его же идее о «соборном искусстве» [13, с. 445]. Принципами его построения А. Белый провозгласил: «школу, учебу, ремесло, прием, стиль» [13, с. 445]. Такое же значение вкладывали организаторы «Цеха поэтов», Н.С. Гумилёв и С.М. Городецкий, в его деятельность. По их словам, «название «Цех поэтов» означало лишь, что стихотворному ремеслу можно учиться также как и всякому другому» [7, с. 33]. «Цеха поэтов» первоначально объединил поэтов разных литературных течений: символистов, футуристов, «новокрестьянских» поэтов и будущих акмеистов. Их объединяли дружеские связи, общие вкусы и ощущения, родственные темы, сюжеты и литературные приемы. В творчестве акмеистов отсутствовала общая идеологическая основа, догма. По словам О.Э. Мандельштама, «...акмеизм мировоззрением не занимался: он принес с собой ряд новых вкусовых ощущений, гораздо более ценных, чем идея» [14, с. 445]. Разумеется, философские, научные и художественные идеи присутствуют в творчестве акмеистов. Но для них существенно, прежде всего, живое, осмысленное слово в противоположность «идеологии, претендующей на первичность по отношению к слову, но жаждущей живой крови спасительных имен для своих абстракций» [3, с. 218]. Потому что слово представлялось акмеистам столь же осязаемым и реальным, сколь и вещь, и столь же рациональным и содержательным, сколь и идея.

Вера в силу слова подвигла акмеистов к отказу от ключевых идей символизма. Этот разрыв выражался в критике «идеи двоемирия» [15, с. 220], сформулированной символистами; в стремлении акмеистов к преодолению дихотомии между реализмом с его утверждением доминирующего положения вещи над словом и мыслью и символизмом, подчиняющим идею и слово, и вещь; в разрешении ими противоречия между символизмом и футуризмом, который характеризовался попыткой свести «поэтическую речь к чистой эвфонии и метапоэтическому мышлению о себе в “самовитом слове”» [14, с. 220]. Преодоление «идеи двоемирия» как цели своего поэтического творчества они видели в утверждении всеединства бытия через снятие противоречий реального опыта и ирреальности сознания, природного и божественного бытия, индивидуального и всечеловеческого опыта жизни. Творчество акмеистов отличалось не только пониманием конечной цели их деятельности и выбором литературных средств, но в целом отношением к поэтизируемому миру и поэтическому слову. Это отношение выражалось в том, что «акмеизм утверждал реальность вещей, потому что в «чудовищно уплотненной реальности» произведения они были обозначены, названы словами, источником которых был живой Логос» [3, с. 219]. Акмеисты утверждали всеединство бытия как единство вещи, слова и мысли.

Литературные приемы, используемые акмеистами, отличались от приемов, которые применялись другими литературными течениями. «По классификации, предложенной Р.О. Якобсоном, реализм основан на метонимии, в которой понятия заменяют друг друга по сходству ..., а символизм, как и другие стили романтического типа, – на метафоре, в которой сдвиг происходит по смежности... Акмеизм культивировал гибридный риторический прием: смежность накладывается на сходство» [3, с. 219]. Этим приемом акмеисты хотели раскрыть внутреннюю взаимосвязь всех форм жизни как условия созидания мира в красоте и достижения воплощения «положительного всеединства» [8, с. 365] в мире. Это им удалось: даже тогда, когда в стихах звучат нотки одиночества человека в отвергающем его мире, когда в них слышится печаль о потерянном божественном даре – благодати, когда сердце преисполнено сострадания к оставленному миру, даже тогда в нас горит чувство надежды на будущее возрождение мира в красоте. В таких формах акмеисты выражали идею неизбежности предварения материального мира в идеальном бытии как восстановления «мирового всеединства» [8, с. 365]. Но «пресуществование для акмеистов должно было быть исполнено не “искусством”, а “в искусстве” как части жизни...» [3, с. 223]. Они не отделяли собственную индивидуальную жизнь от творчества, как и не отрывали творчества от реальной жизни, веря в пророчество своих творений:

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь.

Этими словами из стихотворения «Природа» Н.С. Гумилёв выразил неминуемость момента духовного преображения мира в красоте. Оно осуществляется человеком, понимающим несовершенство мира, могущего изменить характер отношений между участниками мирового процесса и владеющего для этого необходимыми талантами и творческим даром.

Роль человека в творческом акте преображения мира в красоте

Идея «положительного всеединства» выражалась в утверждении достоинства индивидуальности личности и в признании ценности ее творчества. Подлинное ее значение, по мысли В.С. Соловьёва, выражается в том, что «истинная индивидуальность есть некоторый определенный образ всеединства, некоторый определенный способ восприятия и усвоения себе всего другого» [16, с. 506 – 507]. Идею о ценности индивидуальности акмеисты воплотили в своем творчестве. В «Цехе поэтов» творчество одних становилось импульсом для поэтических поисков других. Так, казалось, мог бесконечно продолжаться поэтический диалог как «воображаемая беседа» [7, с. 46] между Гумилёвым и Ахматовой, Ахматовой и Мандельштамом. Поэтические диалоги были ответом тем критикам, которые сомневались в правомочности называть акмеизм литературным направлением. Как отмечает О. Ронен, «...в наше время, как при Белом и Ходасевиче, не прекращаются споры,

был ли акмеизм или это только выдуманное ходкое название, а поэты, которых принято называть акмеистами, ничем друг на друга не похожи, они не акмеисты, а “Николай Гумилев”, “Анна Ахматова”, “Осип Мандельштам”» [3, с. 218]. В этом направлении, действительно объединились яркие личности, свободные граждане своего отечества и преданные товарищи, раскрывшие свои выдающиеся таланты в поэзии. Они объединялись общей целью – творчеством и общими ценностями – жизни, любви, мужества, преданности, но каждый избирал индивидуальный путь. «Цветущее разнообразие, – напишет О. Ронен, – вот в чем был идеал акмеизма как союза индивидуальных поэтических стилей» [3, с. 217].

Творческое развитие каждой поэтически одаренной личности было новым индивидуальным шагом к утверждению идеи В.С. Соловьёва о «положительном всеединстве». Потому что поэт одарен даром слова – даром духовного созидания и преображения мира в красоте. В несовершенном же мире утрачивается и сила слова – последнего оплота духа. Это делает понятными сожаления О.Э.Мандельштама о «потерянном слове» [17, с. 93], негодование Н.С. Гумилёва о «мертвых словах» [18, с. 139] и боль утраты в творчестве А.А. Ахматовой, когда «ни праздного, ни ласкового слова, уже промолвить не могу» [19, с. 60]. Сожаления об утрате прежней силы слова и тщетности усилий поэта возродить слово не случайны. Потому что, как писал Н.С. Гумилёв, «поэзия для человека – один из способов выражения своей личности, и проявляется при посредстве слова – единственного орудия, удовлетворяющего ее потребностям» [20, с. 201]. Личность должна заявить о себе в этом мире и этому миру, ибо только ей дано понять его состояние и отыскать способы для его возрождения. Потому что в ней сходятся все мировые пути – природные, человеческие и божественные:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

В этих строках из стихотворения «Фра Беато Анджело» Н.С. Гумилёв определяет истинное положение человека в мире и предназначение его судьбы. Судьба человека – в его творчестве, потому что, и об этом пишет В.С. Соловьёв, только ему дано вырваться из естества природы к духовной жизни: «В пределах своей данной действительности человек есть только часть природы, но он постоянно и последовательно нарушает эти пределы; в своих духовных порождениях – религии и науке, нравственности и искусстве – он обнаруживается как центр всеобщего сознания природы, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства, и, следовательно, выше его может быть только ... Бог» [16, с. 503–504]. В антропологии В.С. Соловьёва человек – восприимчив божественного замысла о судьбе мира. Его судьба – в поступательном духовном преображении, осуществляемом при посредстве духовной деятельности человека. Духовное восстановление мира совершается через действие в нем красоты – воплощенной в мире духовности. «Полное чувственное осуществление этой всеобщей солидарности или положительного всеединства – совершенная

красота не как отражение только идеи от материи, а действительное ее присутствие в материи – предполагает, прежде всего, глубочайшее и теснейшее взаимодействие между внутренним или духовным и внешним или вещественным бытием» [2, с. 396]. «Совершенная красота» ощущается в равновесии и гармонии, завершенности и совершенстве всех форм жизни – материальной и духовной. Если эти черты проявляются в действительности, то это значит, что мир одухотворен: в нем воплотилась красота в своей идеальной сути и эстетической форме. Поэтому естественные явления природы кажутся сверхъестественными и чудесными:

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

В стихотворении А.А. Ахматовой «Все расхищено, предано, продано...» красота ощущается в чудесных проявлениях обычных вещей в еще далеком от совершенства мире. В стихотворении «Я научилась просто, мудро жить...» А.А. Ахматова понимает все несовершенство мира, но выражает надежду на его духовное возрождение в красоте:

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Красота в мире проявляется как свет, чудо, прозрачность и полнота бытия. Н.С. Гумилёв ассоциирует явление красоты в мире с мечтой, светом, нематериальностью, пламенем и огнем. О.Э. Мандельштам в стихотворении «Silentium» сравнивает действие красоты с «ненарушимой связью» [21, с. 15–16] между всеми формами жизни и духовной основой бытия:

Останься пеной Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись
С первоосновой жизни слито!

Красота проявляется в целомудрии мира как первозданности природы, как безмолвию тишины и как гармонии и единства мироздания. Призыв к возврату к первоосновам бытия, звучащий в строках этого стихотворения, выражает протест против нарушения духовного образа мира. Акмеисты, находя признаки воплощенной красоты в мире, художественными средствами выражают идею В.С. Соловьёва о единстве и целостности бытия.

Поэзия Н.С. Гумилёва, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама и философия В.С. Соловьёва формировались в одной культурно-исторической и социальной

среде, которая определила родство их мировосприятия. Ведущим мотивом их творчества стало неприятие любых проявлений разобщения и противостояния. Этим объясняется их совместное стремление к воплощению идеи всеединства в мире в формах солидарности, соучастия, совместного творчества и общения – акмеистов в поэзии, В.С. Соловьёва в философии. Их сближают и общие темы творчества: трагическое восприятие мирового разлада как упадка, тлена и противоречия; вера в человека, способного своим творчеством возродить мир; понимание красоты как воплощенной в мире духовности; признание поэзии как способа духовного воспитания личности и выражения духовного образа мира. Они искренне верили в человека, в силу красоты и поэзии и подтверждали свою веру творчеством. Их надежды обретали подтверждение каждый раз во встречах с явлениями красоты как чуда, противоречащего логике разрушения. В поэтическом творчестве акмеистов эстетические идеи В.С. Соловьёва нашли художественное выражение и последовательное развитие, поэтому их можно по праву считать приемниками эстетики В.С.Соловьёва.

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 139–289.
2. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 390–405.
3. Ронен О. Акмеизм // Звезда. 2008. № 7. С. 217–225.
4. Ахматова А.А. Anno Domini // Ахматова А.А. Избранное. М.: Просвещение, 1993. С. 69–81.
5. Гумилев Н.С. Колчан // Гумилев Н.С. Избранное. М.: Просвещение, 1990. С. 88–103.
6. Гумилев Н.С. Костер // Гумилев Н.С. Избранное. М.: Просвещение, 1990. С. 103–115.
7. История и поэтика акмеизма / В.Н. Альфонсов, В.Н. Васильев, А.А. Кобринский и др. // Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы. СПб.: Изд-во «Logos»; М.: Высш. шк., 2002. С. 31–59.
8. Соловьёв В.С. Красота в природе // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 351–390.
9. Соловьёв В.С. О лирической поэзии // Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 210–121.
10. Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 548–556.
11. Краткий словарь литературоведческих терминов / С.В. Тураев, Л.И. Тимофеев, К.Д. Вишневский и др. // Литература: справочные материалы. М.: Просвещение, 1989. С. 10–11.
12. Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Мандельштам О.Э. Избранное. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1996. С. 5–7.
13. Белый А. Почему я стал символистом... // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 418–493.
14. Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М.: Слово, 2001. С. 438–445.
15. Сухих И. Русская литература. XX век // Звезда. 2008. № 10. С. 220–225.
16. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–548.
17. Мандельштам О.Э. Tristia // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М.: Слово, 2001. С. 83–126.
18. Гумилев Н.С. Огненный столп // Гумилев Н.С. Избранное. М.: Просвещение, 1990. С. 136–154.

19. Ахматова А.А. Белая стая // Ахматова А.А. Избранное. М.: Просвещение, 1993. С. 37–62.
20. Гумилев Н.С. Читатель // Гумилев Н.С. Избранное. М.: Просвещение, 1990. С. 190–193.
21. Мандельштам О.Э. Камень // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М.: Слово, 2001. С. 10–23.

References

1. Solov'ev, V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical principles of integral knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1990, pp. 139–289.
2. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general sense of art], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1990, pp. 390–405.
3. Ronen, O. *Zvezda*, 2008, no. 7, pp. 217–225.
4. Akhmatova, A.A. Anno Domini [Anno Domini], in Akhmatova, A.A. *Izbrannoe* [The Selected Works], Moscow: Prosveshchenie, 1993, pp. 69–81.
5. Gumilev, N.S. Kolchan [Quiver], in Gumilev, N.S. *Izbrannoe* [The Selected Works], Moscow: Prosveshchenie, 1990, pp. 88–130.
6. Gumilev, N.S. Koster [Fire], in Gumilev, N.S. *Izbrannoe* [The Selected Works], Moscow: Prosveshchenie, 1990, pp. 103–115.
7. Al'fonsov, V.N., Vasil'ev, V.S., Kobrinskiy, A.A. Istoriya i poetika akmeizma [The History and Poetics acmeism], in *Russkaya literatura XX veka: shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoy raboty* [The Russian literature XX age: the schools, directions, methods of the creative work], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Logos», Moscow: Vysshaya shkola, 2002, pp. 31–59.
8. Solov'ev, V.S. Krasota v priride [The beauty of nature], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1990, pp. 351–390.
9. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii [The lyrical poetry], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary Criticism], Moscow: Kniga, 1990, pp. 210–221.
10. Solov'ev, V.S. Pervyy shag k polozhitel'noy estetike [The first step to positive aesthetics], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1990, pp. 548–556.
11. Turaev, S.V., Timofeev, L.I., Vishnevskiy, K.D. Kratkiy slovar' literaturovedcheskikh terminov [Concise dictionary of literary terms], in *Literatura: spravochnye materialy* [Literature: Reference Materials], Moscow: Prosveshchenie, 1989, pp. 10–11.
12. Mandel'shtam, OE. Utro akmeizma [Morning of acmeism], in Mandel'shtam, OE. *Izbrannoe* [The Selected Works], Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo «Feniks», 1996, pp. 5–7.
13. Belyy, A. Pochemu ya stal simvolistom... [Why I became a symbolist...], in Belyy, A. *Simvolizm kak miroponimanie* [The symbolism of a world view], Moscow: Respublika, 1994, pp. 418–493.
14. Mandel'shtam, OE. O prirode slova [The nature of the word], in Mandel'shtam, OE. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose], Moscow: Slovo, 2001, pp. 438–445.
15. Sukhikh, I. *Zvezda*, 2008, no. 10, pp. 220–225.
16. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow: Mysl', 1990, pp. 493–548.
17. Mandel'shtam, OE. Tristia [Tristia], in Mandel'shtam, OE. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose], Moscow: Slovo, 2001, pp. 83–126.
18. Gumilev, N.S. Ognennyi stolp [Pillar of fire], in Gumilev, N.S. *Izbrannoe* [The Selected Works], Moscow: Prosveshchenie, 1990, pp. 136–154.
19. Akhmatova, A.A. Belaya staya [White flight], in Akhmatova, A.A. *Izbrannoe* [The Selected Works], Moscow: Prosveshchenie, 1993, pp. 37–62.
20. Gumilev, N.S. Chitatel' [Reader], in Gumilev, N.S. *Izbrannoe* [The Selected Works], Moscow: Prosveshchenie, 1990, pp. 190–193.
21. Mandel'shtam, OE. Kamen' [Stone], in Mandel'shtam, OE. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose], Moscow: Slovo, 2001, pp. 10–26.